

Лазарь Соколовский
С
Ближнего Неба

Лазарь Соколовский

С Ближнего Неба

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22969145

ISBN 9785448377358

Аннотация

Эта книга раздумий зрелого человека о собственном пути, судьбах предшественников, написанная на очередном рубеже испытаний для страны, отношение к которой не может быть определено настойчивым влиянием извне. В этой книге, как и в предыдущих книгах автора, больше вопросов, чем ответов. Возможно, это будет интересно читателю.

Содержание

В лабиринте стихов	5
В ожидании бабьего лета	7
Этюд	9
Последняя (?) жертва	11
Беззимье 06—07 года	15
Ранняя весна 07 года	17
К встрече с братом	21
Очередной виток	23
К двум пророкам	26
Возвращаясь с кладбища	31
Вслед	33
В маленьком путешествии с вечным спутником	35
Размышление у картины	42
К переписке трех	45
Преддверье	50
С ближнего неба	52
Лето Господне	56
Когда бы...	66
На виду Углича	68
Сосна у Мандроги	70
У Валаама	73
Конец ознакомительного фрагмента.	78

С Ближнего Неба

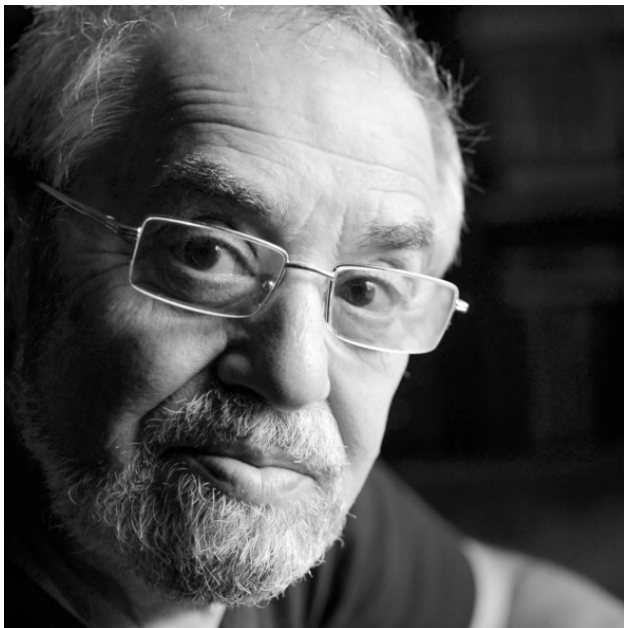
Лазарь Соколовский

© Лазарь Соколовский, 2017

© Алла Владимировна Соколовская, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4483-7735-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В лабиринте стихов

Поэту Лазарю Соколовскому стихи заменяют дневник. Впечатления от того, что происходит за окном, раздумья о прочитанных книгах, отношения с близкими и дальними – словом, всё, что становится частью его бытия, рано или поздно отливается в рифмованные строки.

Он писал всю жизнь и полагал, что путь к читателю должен быть столь же естественным, как и творчество. А потому не обивал пороги редакций, не сочинял конъюнктурных вещей, чтобы «попасть в обойму». Его первый сборник с говорящим названием «Из семи книг» вышел в 1994 году, когда автору было уже за 50. Как и все последующие, он был издан на собственные средства и расхвалился неспешными кругами по тем, для кого даже в переломную эпоху было важно «остановиться, оглянуться», определить собственное положение в стремительно меняющемся мире.

Поэзия Лазаря Соколовского заточена именно на раздумье – основательное, неспешное, порой уводящее далеко от первоначального повода. Его строки не навязывают читателю определенных выводов, а предлагают пройти всю цепочку тезисов, тем и ассоциаций – нередко лишь для того, чтобы в конце вместе с автором убедиться в неразрешимости поставленной проблемы.

Да, мир для поэта далеко не прост и уж точно не однозначен.

чен. Он и не пытается облегчить читателю процесс его познания, нанизывая бесконечные придаточные, вмещающие в себя всё новые аргументы «за» и «против». Зато того, кто примет эти непростые условия, ждет затягивающий лабиринт человеческих прозрений, сомнений и догадок. Лабиринт, в котором каждый может обрести свою истину.

Канд. филол. наук

Екатерина Зотова

В ожидании бабьего лета

Что-то бабьего лета не слышно,
хотя осень всего лишь на скок
заступила – скукожилась вишня
под туманами, пышный оброк

яблонь чавкает зло под ногами.
И чего я судил да рядил —
бог отвлекся ль? природа не с нами?
не достало ли собственных сил?

Вновь вопросы кому-то зачем-то
сквозь худые дожди да ветра,
где багряным уже позументом
нарядилась осинка-сестра,

позабыв про вчерашнее лето —
заневестится с новой весной
взрослой бабой. И что ей ответы —
посмеяться хотя б надо мной,

то взмахнув озорным покрывалом,
то коленки прикрыв на юру.

Жизнь опять повторится сначала,

что, пожалуй, сойдет за игру,

пусть не вечную... Все перепето,
переписано вкривь или вкось,
но дождаться хоть бабьего лета,
когда девичье вскачь унеслось.

Этюд

Чужая чья-то воля, свой каприз
рисуют книгу осени спонтанно:
как на веревке в памяти провис
прозрачный лес Коро и Левитана.

Не умаляет грусти от пропаж
просторная полоска горизонта,
куда едва вмещается пейзаж,
картину мира рвущий на два фронта,

поскольку взгляд еще живет в своем
углу сознания – что ему доступно:
грядущего раскрашенный раек?
стволы сухие в памяти остудной?

Но отчужденность неба и древес
обманчивы при первом беглом взгляде,
нам кажется – дух творческий исчез,
а он разлит и спереди, и сзади.

Возьми, что хочешь: кисть или перо,
работай дома иль в подмену странствий

умчись – искусство щурится хитро

размашистым своим непостоянством.

Там вскинется подсолнухом мазок
Ван Гога нервный, тут Монэ с улыбкой
кувшинки разбросает между строк,
здесь оборвется Кремеровой скрипкой,

а то, рванув рубаху на груди,
прольется новым колером и звуком
на каменные реки Гауди
языческой богиней шестирукой,

сметая все. Но держится стена
на плаче, где склоненные фигуры
застыли, где пролягут письма
от прашуров, еще живущих в Уре,

в мой слог октябрьский – пал лишь первый лист,
за ним другой, и вот уж сыплет манной...
Как на веревке в памяти провис
прозрачный лес Коро и Левитана.

Последняя (?) жертва (обращаясь к Еврипиду)

Поэт мой, уже мы зашли за экватор
в наивной попытке сыграть в перемены,
сумеешь подвигнуть ли амфитеатр
последнюю жертву не выдать на сцену

(божественный замысел – тайна), прикрыть
хотя бы каким-никаким покрывалом?
Все тоньше и тоньше трагедии нить
прорвавшись в эксоде ссучится в начало?...

Где ветер ломает привычный размер
бумажной деревни, суконного града,
деревья склоняются выей к земле
ноябрьским колючим, сухим листопадом.

Дороги на Трою тогда не сыскать,
девицей пока не умашишь Борея,
и здесь не родитель решает, не мать —
ужели под нож обрекается шея

дочерняя, нежная, та в завитках,
слезами смущала что даже Атрида —
отца больше? война? «Пусть вертопрах
гуляет в Пергаме... пошла б ты, Авлида!»

Ужели волны – красоты пережат
(груди или бедер) есть повод для бойни...
«Пошла б ты, Авлида!» Но войску назад
не двинуть никак, хотя много б достойней:

не топтано было б голов и травы,
о, сколько!.. и все возвратились живыми...
Что сонмы годов ни промчались – правы
лишь войны да в лаврах дошедшее имя

вождя мясорубки, что с темной толпой
грабителей в эпосе был пересказан.
Так в мифах еще появился герой,
с дочерней и прочими жизнями связан

в осеннюю смутную, стылую рань
в пылу озорных политических бредней.
Ифи... Ифиге... Ифигения, стань
хотя бы последней овечкой... Последней!

Последней?.. Усталый спускается хор
(и зрители свыклись!) с кровавой оркестры.
Зачем, Еврипид мой, ты впал в перебор
не матриархата? Взамен Клитемнестра

смолчит, перетерпит, смирится?.. Умри
надежда на мир, коль такую ценою
оплачен, где войны не вне, а внутри
бушуют, и нет нам, пассивным, покоя

ни в эту прогорклую осень, ни в ту,
не гонят ладьи где ветра напопьятный,
где жертвой уже не унять маету
трагедии общей – троянской и братней,

что, мстя за отца, убаюкает мать
и, спрыгнув с ума, обнадежит Эриний...
О, Боже, ужель все ломать да ломать
по смутной какой-то, по бабьей причине,

по версии: выплеск страстей – красота
Еленья? ничья? так спеша домогаться!
Ты тоже прекрасна, но все же не та,
заложник каких-то иных мотиваций

всесильных-всевышних... Абсурдный, увы,
античным поэтам сей промысл неведом.
Докатятся ль грозы войны до главы
системы иной? Эписодии следом

сыграют актеры, самую судьбой
что призваны истину гнать понаршку,
как гонят невест – женихов на убой

куда-то опять... Все прикроет обложка

иль занавес. Дело одной лишь семьи —
языческой, нашей – чей окрик победней?
Ифи... Ифиге... Ифигения и
иные лилейные девы – в последний?

В ноябрьскую терпкую, липкую рань
леса осеняет предчувствие горя —
заменит тебя белоснежная лань,
как вскинется жертвенный жадный топорик?

Проснется Природа – Диана? Проспит?
Елена вернется в замужнюю Спарту?
Не старый, так новый споет Еврипид
спасенье ребячье? Дождемся ли марта

веселого, где диктатура сдает
и наша бывшие свои полномочья?
Ифи... Ифиге... Ифигения, счет
оплачен! Лишь осень разодрана в клочья...

Беззимье 06—07 года

То смеяться, то плакать примется
память к очередной поре —
не раснежится, не раззимится
ни в утопии, ни в январе.

По полям будто рысью конница,
фронтной ли, лагерный след
подзабылся как будто – помнится
даже сквозь юбилейный бред

не со мною – с отцами, с дедами,
кто до срока ушли туда,
где напрасно греметь победами —
сроки-звезды не распродать,

телогрейки лишь скинув, кители,
подсчитать – что отчизна шьет.
Разве генция – как там? – интелли...,
так у нас никогда не в счет,

даже если себя уродуя
(не отречься от прожитой!),

с обихоженной несвободою

прямо в петельку головой.

Что – от климата безобразия?

Что – с похмельного трын-трава?

Никакая Европа – Азия,

не неметчина – татарва

луком, саблей, скулою кривится —

разродиться б иным к поре...

Не раснежится, не раззимится

ни в утопии, ни на дворе.

Ранняя весна 07 года

1

Так в природе еще не бывало:
белый саван разползся в семь дней...
Неужели все сказки сначала,
брага жизни от свежих корней?

Есть какая-то тайная сила
в этой ранней тревожной весне?
Слышал – ведьма в лесу голосила
о своей ли беде, обо мне,

в почке глупой ворочалась завязь,
лист слепой набирал желтизну...
С миром смутным навеки прощаясь,
не тянуло к заветному сну

понятых – сквозь ожившие души
по тропинкам привставших стволов,
я шептался, глаза не сомкнувши,
с дальним Богом, но выдохнул слов

восходили истаявшим паром
в глубь, где вымерзла голубизна...
Знать, весна распоясалась даром?

Что поделатъ, на то и весна,

не помощница в посах смысла,
и куда беззаботной понять —
вот последняя оттепель скисла,
диктатура скрежетет опять,

перебьет молодые побегИ,
что пробИлись сквозь зимний кордон,
искупаются зяблики в снеге,
чтоб заткнуться до лучших времен,

затаятся, считая потери —
не попасть бы на этот впросак.
А такой был соблазн, что поверил,
рассиропился, старый дурак...

Ах, весна! ну, какие подставы
растревожат российскую тишь.
Видно, ведьмы орут для забавы,
и напрасно глаза проглядишь.

2

Не дай мне Бог сойти с ума...
А.С.Пушкин

Не сойти б с ума
все по той причине —

на душе зима,
даже голос стынет,

свят от серых плит,
словно от недуга,
снег глаза слепит,
хоть и ветер с юга,

трескается лед,
припекает спины,
что он принесет
с почтой голубиной —

скомканный прогресс?
стираное солнце? —
вздрагнет птичий лес,
наш – не обернется,

ни надежд, ни сил,
пусть весна сорокой,
изнутри застыл,
жарким левым боком,

некуда расти,
коль одни обноски...
Лучше отойти
тихо, по-толстовски,

без вещей, без слав,

в простоте искомой,
вроде, убежав
от родного дома.

К встрече с братом

В твоё рождество не прийти мне, не стать
к оградке ли, к мрамору в утлом возглавье,
как ждут потаенно отец наш и мать —
но нет твоего, мне, увы, однотравья

на сникшем, слепом, приглушенном клочке,
который пришедшим пока ещё нужен,
как лучик из детства, зажатый в руке
на всякий... чтоб легче скакать через лужи

в обратный (когда бы возможно...) маршрут,
где небо смертями ещё не чревато,
где сбито отчаянье в пару минут
и явно, как воздух, присутствие брата...

Мне снова из прошлого каменных врат,
где не опереться тоске человеческой,
тащить хоть бы веру прапращуров — смят
я временем новым, но, думаю, встречу

достойно и сам предстоящий отрыв,
когда подойдет полоса грозовая,

в золу обративши ребячьи костры,

где с родиной жесткой я тоже прощаюсь

без слез покаянья своих ли, ее,
как в браке отжившем – верстаться напрасно,
расстанусь со вздрогнувшим майским жнивьем,
что ты променял на осенние краски,

в какие, приехав, мне не заглянуть —
провалы годов зарастают пространством...
И сам собираюсь в отчаянный путь,
где прах твой качает волной океанской.

Очередной виток (возвращаясь к одному роману)

Рассчитаться на первый-второй,
потихоньку мельчая с годами...
Иешуа – абсурдный герой
в схватке с мельницами, с комарами?

Эволюция наоборот —
соскользание к пещерному миру:
«Любят деньги, как было, и вот, —
Воланд пел, – пришибут за квартиру».

Алоизий – как там? – Могарыч
выбьет полуподвальчик Арбата,
ну, а тот, кто божественный спич
напридумал, тот съедет куда-то

на Матросскую шумную, на
скит Лефортовский – вся незадача...
Хорошо, что прознал Сатана
и «великий прогресс» об-иначил

.

грозным матом – вот снова у нас
«путь святой» и «свобода печати»,

генеральский сплошь иконостас,
в кумаче – пенсионные рати

и церковный гороховый звон
в ожиданье пасхального чуда.
Эволюция вновь под уклон,
где вопрос – не куда, а откуда?

Патриарший совсем обмелел:
и стихи облысели, и проза,
в суете государственных дел
михалковы теснят Берлиоза.

И к чему тот случайный вояж
нас привел – Мастер в горних с подружкой,
остается Бездомный типаж
с Грибоедом и прочей психушкой.

Нет, роман не кончается, не
убывает подпитка ни сверху
и ни снизу – куда Сатане,
старичку? Только стряхивать перхоть

да в припадке дешевых острот
на прощанье косить под героя...
Эволюция наоборот —
ФСБэшным отлаженным строем:

– Рассчитаться на первый – второй! —

квадратные плечи и скулы.

Все сначала: Пилат, Крысобой
и чудак молчаливый, сутулый.

К двум пророкам

Вступление

Пора ли плакать... ликовать...
Империя ушла? едва ли?
куда идти? чего искать? —
недоросли, недострадали?

Опять духовную нужду
прикрыть тряпьем материальным...
утрачен ритм... — А вдруг найду
пусть не заслуженно — случайно,

весенний подновляя крик
и Апполонову квадригу.
Как говорится, все из книг,
и я опять листаю книгу,

ту, первую, где между строк
следы моей судьбы и общей,
что пробуждал какой-то бог,
над чем пророк какой-то ропщет

Что в тьме времен провидит он
помимо мартовской капели,
где отзовется Вавилон

не во врагах – в самих себе ли?

В дареном чуде слов и нот
увериться б, как Савл в дороге,
что все к гармонии идет...

Два лучших голоса – помога?

1-й голос

Чего еще?.. К земле влеком
в последних заморозках мая,
цветут черемухи рядком
повдоль реки – ликуй, Исайя,

хоть краткий миг, покуда край
не выдохся в тоске зеленой,
едва намеченной, копай
родную почву по закону

природы же, упрямо сей
разумное неторопливо,
всей прожитою жизнью, всей
непрожитой ликуй, гневливый,

предупреждая от оков,
что только сбросили играя —
и сызнова?... Народ таков,
каков он есть – ликуй, Исайя!

Другой даст неизбывный плач,
пока ты гредишь про Мессию,
чтоб хоть чуть-чуть дрожал палач
в притихшей засветло России...

Проходит все, но все ль пройдет,
когда борьба – стезя святая?..
Копай постылый огород,
усталый раб, – ликуй, Исая!

2-й голос

Увы, дергач, пророк не врач,
особенно в предгрозовые,
ему доступен разве плач —
вся жизнь твоя, Иеремия...

Когда опять нам исполать
пускаться в сталинские злые,
вдохнув глоток свободы – лгать
отвыкнув?..
Плачь, Иеремия!

Уже пастух присел на двух
скамьях: диктатор и вития —
что ж мы молчим? имперских дух
по сердцу?
Плачь, Иеремия!

От старых стен привычный крен
«ломать не строить» – крепче вяя?
Навыорот – какой-то ген
в нас странный...
Плачь, Иеремия!

Как на пари, приотворив
глаза, внять сказкам про батыев?
Враг не во вне сидит – внутри,
в тебе же...
Плачь, Иеремия!

Куда ж страну – опять в войну?
Сомкнемся мертвые? живые?
Ведь главное – поднять волну,
а дальше...
Плачь, Иеремия!

Послесловие

Слова лишь отзвуки игры
кровавой, улично-дворцовой,
истерлись ижицы, еры —
чтобы опять начать по-новой?

Ужель не выдохлись круги
всенепрощающей природы,
и наших смут? Кругом ни зги...
мы снова ищем в переводах

лазейку выхода – глухи
и строки красные, и нравы,
опять ввалиться от сохи
в соблазны те же и подставы...

Мой Бог! кто из сидельцев прав
в чреде смирений – революций?
Я убираю книгу в шкаф,
чтобы забыть? или вернуться?

Сойдет погожая весна
и долгожданный ветер свежий...
От двух скитальцев тишина,
и мир все тот же, мы все те же

простыми, грешными людьми.
Изменит что череда иная,
как ни ликуй, Иереми...
как ни зайдись в слезах, Исая...

Возвращаясь с кладбища

Где прежние годы? где весны мои?
ворота в природу взаправду открыты?
И будто в ответ мне гремят соловьи
в Донском, где оплаканы судьбы и сбиты

на встречу потомкам? на суетный тлен?
на жалкие свечки в бумажных букетах?
Не знаю... но рвется сирень из-за стен,
и это бушующей жизни приметы,

как пряная, ливнями пьяная вода,
ломающая колеи и маршруты,
как еле прикрытая буйная плоть
студенческой стайкой спешит к институту,

сквозь свежую листвень текут светлячки
от солнца и пляшут по рельсам трамвайным.
И как я ни грустен, теряю очки
от этой весенней и девичьей тайны.

Спокойно б двоякое шло торжество,
как вечный покой или вечное бденье,

но где взять предела того и того,

особенно в майский пробег совпадений,

когда настигают не браки – брачки,
ничуть не сбивая нам скорби о близких
ушедших. Я снова теряю очки
в сиренях, процветших средиobelisks.

Вслед

С чего начать... июнь сухой
уже зашел за половину,
взметнулся первый травостой,
я распрямился, как рябина,

прочнее, вроде, в землю врос,
испив сиреневую влагу,
прикрыв измучивший вопрос
зеленой дробью винных ягод.

Ах, лето, лето! как я мог
так поглупеть, приняв за чудо
кружавчатость морковных строк,
взметнувшихся, как из-под спуда,

что показалось – сам воскрес!..
Все это отдавало фальшью:
преобразив травинку, лес,
природа покатила дальше

в свой нескончаемый поход,
в дремучие метаморфозы —

я лишь застыл, разинув рот,

на низкую рифму роня слезы...

Пусть огрызнется мир иной
чредой карманных революций —
сорваться с ней нам не дано,
возможно только встрепенуться

и, сбросив собранную кладь
чужих и собственных поверий,
пытаться детям передать
следы поверженных империй...

История не склад, не бал —
росток любви сквозь грохот пушек,
и если сам не добирал
в алчбе – несчастьями обрушит.

Круг завершивши вековой,
герои спрячутся в былины...
С чего начать... июнь сухой
опять зашел за половину.

Увы, иначе мы растем,
труднее, медленней мудреем,
природа прет своим путем —
нам хоть стремиться вслед за нею...

В маленьком путешествии с вечным спутником

*Заметил, черный пес бежит по пашне.
Гете*

1

Златым кольцом – возвратный путь
истории – и мы по храмам
отправились, раскинув рамы
(приворожив погоды ртуть)
души, уставшей от бедлама

чужого – своего... Поля
заросшие пленяют дурью
(смотреться ли?..) и хмурый Юрьев
напоминает: у руля
все тот же кормщик, что до бури.

Но легче дух, лишь на задах
провинциальных пьяных оргий
откроется резной Георгий,
и на губах застынет – ах!..
(курчавый пес, отстань, не дергай!).

И трижды отплясав кругом

язычества на христианстве,
откроется дорога странствий
в веках, уложенных рядком
в прапамяти. На то пространства

даны нам вширь и вглубину,
где благость тихая да удаль
шальная рядом – амплитуда ль
такая... валим на войну
(пес, на тебя?...). Но вот и Суздаль,

несуетлив и узкоплеч,
по маковки церквей спокоен,
рыжебород, когда-то воин,
теперь щиты скатились в речь —
в О круглое, что ж до героев,

давно повывелись борцы,
пророки вымерзли подавно.
Торговый ряд гудит исправно —
толкают бабки огурцы,
на сувениры скинув славный

(замолкни, пес!) славянский дух.
Дорожка в Кремль неказистей,
спасаясь от совковых истин
хмельным набором медовух,
как древним валом в палых листьях.

Старинный, сонный город средь
ухоженного чернозема
(смотреться ли?..), вдруг здесь, как дома,
дано где жить и умереть,
вот разве нет друзей – знакомых...

2

Ризположенский монастырь
нас приютил на пару суток,
куда деваться – двух минуток
не хватит, чтоб пропеть псалтырь:
расцвет – короткий промежуток

седого Суздаля. Молва
смирилась – хоть часов 12,
чтобы от Кидекши добраться
мужской к невесте Покрова.
А там опять брести с прохладцей

к раззолоченному холму
в заросших рвах – подобье ларца:
кокошнички... Куда деваться,
крута дорога к Самому
в плену наивных мотиваций

всегда готовых на восторг
музейных дам, глухих монахов.
Как будто можно взмыть из праха,

что создал сам – все торг да торг,
а между – все топор да плаха.

Однообразье... Не мудра
и здесь провинции житуха,
не то чтоб оскуденье духа,
а бесконечная игра
с историей, как сон в полслуха.

Куда деваться – мир таков,
каков он есть, принять итожа,
верстаться с ним – себе дороже.
Звонят Владимир и Ростов,
и потому не милуй, Боже,

и не карай... Где глубь и ширь
друг с другом не договорятся,
терпи и плачь – куда деваться.
Ризположенский монастырь,
соавтор всех твоих простраций,

как и моих, нетороплив
(коль выбрал сам). Случился поиск,
вот-вот, казалось... Твой ли происк,
что снова сверзнулся Сизиф?
Но в ту же пропасть мчится поезд!

И вечно так: едва простор
наполнится каким-то смыслом —

вниз камень! Сколки скользких истин...
Прощай, мой Дмитровский собор,
до новых слез и евхаристий,

Хоть не вернутся «ер» да «ять»,
костлявый компромисс бессмыслен,
здесь снова соблазняться высью.
Собаке, где тебе понять
зуд творчества... движенья... Брысь ты!

Вот тоже мне – ночной дозор,
цензура на клубок сомнений
надбытовых.. Практичный гений,
я расторгаю договор!
– Ну, и куда? к ризположению?..

3

Обратный сход был недалек —
скатились тихо восвояси
к деревне. Два соседских Васи
лишь усмехнулись... Эпилог
все ближе, ближе. Что в запасе,

в годов остатке: кабинет,
диван истертый, пыль на книгах
(смотреться ли?..). Какого фига
ждать перепашки напослед
ради единственного мига

не смысла, нет, не света сфер,
перед которыми немею —
частичку формы, край идеи,
подушку рифмы, простынь вер,
чтоб на шарап слова развеять...

Поэзия – заклятый миг
неимоверных откровений,
возможных только при размене
всего на пшик – один язык
гудит, как целый мир растений.

Тут Искуситель ни к чему,
он может только расстараться
в дне суетном. Куда деваться,
хоть к черту – в Суздаль, в Кострому.
У говорюв, как и у наций,

своя проекция угла,
распашка глаз, корысть согласных,
что не смолкает в тюрьмах классных...
Куда нас рифма завела?
Мой пес, увертливый, как масло,

куда ты делся? Опосля
решим: прогнал – погорячился
(как – ты у нас еще не спился?).
Смотаться ли, начав с нуля?

Что скалишься – а ты б решился?...

Размышление у картины

Посмотрим, поспорим, великий собрат,
что мы заточили в бесформие формы,
на чем задержался блуждающий взгляд,
что нашим случайным попутчикам скормим.

Смущает Даная меня не броском
отставшего слуха, не взглядом навстречу —
просыпется дождь золотой шепотком,
и целая жизнь – одиночества вечер?

тоска беспросветная?.. Женская часть,
планида, судьба изначально такие —
случайного бога недолгая страсть
(– Он был или не был?). На то и стихия

пространства... Когда бы могли заглотнуть
хотя б половину того, что приперли
нам пращурь, был бы означенным путь,
а так ожиданье, как бритва у горла...

(– Ну, где он, кормилица? Утро вот-вот,
под эту капель не заснуть, не проснуться...).

И ждет не дождется послушный народ,
чем боги земные к нему обернутся.

Не знает Даная – засек лейтенант
кремлевской охраны от Лобного места,
чужую ль жену раздевает Рембрант,
утратив свою... Чехарда соответствий

и несоответствий, вслепую игра
или промысел чей-то бычиный? лебяжий?
Пусть царский, не царский застенок – дыра,
мы жертвы одной государственной лажи:

случится ли сын, не случится – успеи
его хоть на доброе дело направить,
довольно и так по дороге камней,
Горгону прибить – не себя позабавить.

Но подвиг есть подвиг. (– Чей вздох из сеней?)
Воспримет кровавый урок разнотравье —
пустым бы дождем не пролиться, Персей!
А нам не пора ли припомнить о праве?..

Что карта, картина – везде полотно
уже не твое, неподвластное взгляду.
Как хочется нам добрести до основ,
пусть злые Сивиллы грозят из засады,

Я тоже пытаюсь озвучить, Ван Рейн,
те сказки, что были тревожною стали,
коль мир не спасти, то хотя бы детей,
хотя бы природу...

И это едва ли?

К переписке трех (Р. М. Рильке – М. Цветаева – Б. Пастернак)

Так разминовываемся – мы.

М. Цветаева

1

Опять морозит, оттепель уже
откликнулась дежурным ледоставом...
Кем здесь ведом: держателем? лукавым?
Как маскировка стол, в карандаше

нет грифеля, музейное стило
растрескалось... К чему стихов опала,
когда решетки снова за стеклом
и снисхожденье к родине упало,

в который раз отчаиваться и
доить насильно ссохшуюся музу?
Промерзших душ несметные рои
гнетут к земле житейскою обузой

помимо главной: как мне провести
границу меж хотел бы и смогу ли?

Свободный дух, с которым по пути
в поэзии, оборван чьей-то пулей,

пусть не в меня, не нынче – севера,
сибири, конвоиры бесконечны...
Опять морозит, дворники с утра
сгребают снег, как вымершую вечность,

как вещьность, что смолчит – мол, мир раним,
когда не осенен стезей крылатой.
Мы размышлять о главном не хотим,
в раздумьях не бредем – летим куда-то...

Куда? Когда б туда, где скрылся вздох
учителей, где струсил стать собою,
когда глотаю «Переписку трех»
и плач давлю и только тихо вою

при сколках жалких дружб, страстей – не прав
о времени признаний нестыдимых,
где мне неловко... Пусть уж ледостав,
коль весны их сменили наши зимы.

В грядущем сломе связок и костей,
возможно, и проявится проруха
иных времен... Коснутся хоть детей
высоты чувства и глубины духа

божественные, те, что метят высь

не снежной крупкой – взмахом белых платьев...
Зашуганные, как мы не крестись,
хоть приобщиться этой благодати,

ах, оттепель...

2

*Я к тебе взываю, Гонгила, – выйди
К нам в молочно-белой своей одежде!
Ты в ней так прекрасна. Любовь порхает
Вновь над тобою.
Сапфо*

Телега жизни розно вкривь и вкось
ползет по чьим-то судьбам, лицам, грудям,
но как дышалось веку, как спалось,
молилось как – по женским ликам судим...

Забредшая в 20-й свой Сапфо
случайно ли, по странной высшей воле,
впитавшая безмерное раздолье
романтики сквозь пресный вкус просфор

обыденности... Как с твоих высот
низринуться? какой сорваться песнью,

чтоб вязкий мир людских страстей и весей
хоть дернулся?... Не ахнул даже тот

единственный:

«Прости, что подзавис
в житейской прозе, что не разгляделась
твоей уставшей воли перезрелость...
ну, что сказать еще?... прости...
Борис».

Возможно, написалось бы... Смолчу...
Какой я им судья, мы много ниже,
их сути – на разрыв, я пошло выжил
и даже не пронес свою свечу

к возвратной выюге... Мутное стекло
не пропускает избранного света.
Одна вослед другой ушли кометы
все три в сырую высь – нас занесло

куда-то вбок, нам небеса – пустырь
с приманкой алюминиевого пыла,
что не вызывает: «Выйди же, Гонгила,
в молочно-белом пеплосе, и ширь

раздвинется...» Тебя другой Орфей
в попутчики позвал, но только вскоре
ушел туда, где: «Мы, Марина, море,
Марина, волны звезд... но якорей

нам не дано – плыви, покуда час
прибытья не настал, где ритмы жгучи»...

Поэзия бессмертна и текуча,
пока природа хрупкая за нас,

как ей, нам лишь возможность расточать,
сомнениями мучая бумагу
в «Попытке комнаты», в прозрениях «Живаго»,
вы в них, вы в нас, вы вне...
И не догнать.

Преддверье

Лес мартовский сомнений полн
прерывистой возней капли...
Кого послушать я пришел —
скворцы еще не прилетели.

И так всегда: несемся мы —
природа прыть попридержала,
уютно ей и средь зимы,
а нам скупого солнца мало.

Кормушки птичии гремят
от беличьих проворных лапок,
что им незванный снегопад —
последний? нет? Миг жизни краток,

равно весенний, зимний шум
на тропочке оледенелой.
Мы прем куда-то наобум —
деревьям, им какое дело,

что вновь газетное хламье
в предошущении ГУЛАГов.

Прибарахляется грачье

на старых липах вдоль оврага.

Стезя гражданская скучна
своим обыденным обличем,
хоть прорывается весна
неистойой возней синичьей.

Придет с дубинками апрель,
прикладами октябрь проводит...
Ну, а пока греми, капель!
кружитесь, белки, в хороводе!

С ближнего неба

С ближнего неба, где птиц
придыханье, где взгляд наш рассеян,
ангел, нам не рассмотреть
того Слова, что было началом
замысла-промысла, что
нам не видится за суетою
будней, отрыв слишком мал,
отражение отчаянья узко —
слишком подробен чертеж
развесенней земной карусели,
вырвался будто за край
горизонта, с крыла самолета
где откроется вновь
опаленная зеленью явь,
что застилает глаза
пеленой, не давая спознаться
с волей Отца, что спешит
все куда-то от вод и стволов...

(Ночью летел из Нью-Йорка
рассвету вослед и внимал...
А, может быть, только казалось?)

Разве, мой ангел, взглянуть

на клочок остывающей почвы,
той, суждено где припасть
телу брэнному после отрыва
жил, где заемная кровь
продолжает пульсировать дальше
пусть в оболочке иной,
коль движение не убывает
зорям закатным повдоль
или зайдясь предрассветною дрожью,
если действительно смысл
не в заброшенном хаосе – в вечном
преображенье начал,
где и наш не напрасен порыв,
тот, что зовем божеством,
материнством. Не в имени дело,
главное – связь обрести
между ясным и непостижимым,
разнонаправленных ввысь,
не спешащих с прощением к нам...

(Кажется, брат мне уплывший
такие намеки и шлет...)

Если б оттуда взглянуть
на слепое свое отраженье,
ангел, сумел человек,
как тогда изменил бы он дерзкий,
горечью траченный всплеск
бытия, ограниченный жизнью

сон, где тревожат мечты
об утраченном счастье незнания
детского, не замутнен
где распахнутый взгляд или крик...
Как бы хотелось вернуть...

(Но своя разбегается поросль,
как ты когда-то мальцом,
так она и не слышит тебя...)

Нет, здесь ответ не найти,
и, увы, только с высших небес,
тех, что вливают тщету
невозможности выразить речью
пусть и земную тоску
об ушедших, которые часть нас,
и о себе... Хоть какой-то маршрут
будет дан нам? Космических сил
небесмыслен невидимый круг?

(Разве замена – любовь...
но теснее, подруга, прильни.)

Ангел, ты знаешь, ты плыл
и по этим волнам, и по этим,
ну, так!..
Нет, не говори,
упирается разум в пределы
тех нескончаемых грез

вне пространства и времени, в коих
вязнет дежурная явь...

Так ушел бы, когда ни весна!

Лето Господне (*страсти по Петру*)

1

Ах, душечка-апрель,
ты бьешь на поднаготный
звериный наш инстинкт
надежды и труда,
как некогда Творец
поставил всех поротно,
и, вроде, мы пошли
куда-то...
но куда?

Как было не впитать
великие основы
густого роста трав
сквозь сыгранную прель —
вожатый ли сплюшал?
мы ль не были готовы?
иль, может, поспешил
с обновками апрель?
Ну как не победить
врожденного искусства
схватить, сожрать, сломать,

в ком глухи и слепы!..
От замыслов святых
в лесу (в душе!) лишь мусор,
шрапнель сухих цветов
яичной скорлупы.

Так как тебя постичь,
тревожный дух весенний,
как за тобой вослед,
когда сомненье жжет:
прошли через века
потуги воскресенья,
но нас не изменил
твой прерванный полет...

Скажи – что мы спасли
из сказочной капли
прозрачных детских лет,
где вечность, что сморгнет
неправды и вражды,
что тоже с колыбели,
а мира нет да нет...
Творение – просчет?

...Окраина больной
разросшейся столицы
несет страстной поток
в объятиях жилых,
где отсветом костра

пылают медуницы —
рук не согреть Петру
в проплешинах пивных...

Ах, душечка-апрель,
когда бы ночь исхода
вернулась – нам какой
тогда предъявят счет?...
Прощай, усталый лес,
российский опыт рода
закончен на пока...
Куда нас занесет?

2

Нет, не участник я,
мне ближе полутон,
негромкий легкий крен
в общественном сплетенье,
мне слово нравственнее
лунного затмения
толпы, чей рык глухой
под плеск любых знамен.

Оледененье душ —
зима и прозвол
властей, неестество
в обнимку с естеством же:
вот жавронок запел

и, значит, май процвел
и развернулся лес —
мы в графике все том же.

Я рвусь для единиц,
а он для всех поет:
– Постой, поберегись,
вот-вот раздастся выстрел!
Нам годы перервут
бессмысленный пролет —
а он все вверх и вверх,
а он не ищет смысла!

И нам бы петь да петь,
но не хватает сил
пойти не на вражду —
тупое безразличье...
Чего ж не замолчишь
с собою не в ладу? —
Да будит по утрам
разгульный посвист птичий,

когда гребу в строку
все, что озвучит мне
тропинка через луг
и ельник у дороги,
тогда не задавить
ни сну, ни тишине
очнувшуюся мысль,

тащили б только ноги

туда, где зелень прет
сквозь ласковую синь
и воздух напоен
отравой песни новой,
в ней снова будет все:
и сладость, и полынь,
отчаянье Петра,
и мужество Петрово,

и мученичество...
Что ж не участник я,
свидетель и его,
и птичьего распыла?
Кормилица-земля —
завет от бытия,
Господне лето нам
решетки приоткрыло.

3

Весна опять полна примет
все тех же самых:
на хитроумный властный бред
дороги в ямах

Хоть вместо трех теперь на двух —
богаче пьется,

режим опять набряк, набух,
вот-вот прорвется.
Когда посыпется труха,
расчесть несложно,
столь диалектика суха
кругов безбожных.

И для чего кричал я, для
чего старался...
Как заждалась меня земля,
как сам заждался.

На что мне мир, на что страна
в слепой корысти,
раз не спасает глубина
великих истин.

Кто подсудимый, кто истец —
решит бумага?
Здесь дед лежит, лежит отец,
здесь сам прилягу.

Как ни хитер посыл, ни прост,
да толку мало,
реальность вот она – погост
в цветах усталых.

Сгребая палую листву,
дождусь ли новой?

Преобразуюсь ли наяву,
как в снах Петровых?

Иное что увижу за
чертой былого,
где от Него одни глаза
и вновь ни Слова?...

Ответа нет, хоть горы книг
в веках сопрело,
лишь обреченный женский крик:
– Исчезло тело!..

Весна опять полна примет,
и как отрину
Господне Лето, ясный свет,
плач Магдалины...

4

*Когда Симон Петр увидел это,
он упал к ногам Иисуса со словами:
«Удались отсюда, Господи
потому что грешен я».
Евг. от Луки, V, 8—9*

От заселенных скворешен
тянет и нашим жильем...
Господи, тоже я грешен
в неразуменье своем,

словно саднящие шрамы
сколки весенних примет.
Путь от Петра к Мандельштаму —
неисчезающий след.

Если бы Понтий на троне,
все ж совестливый чудак —
ссылный, голодный Воронеж,
первый осознанный шаг

сквозь черноземные строфы,
где обналичивал сам
ход не смиренья – Голгофы,
ближний порог к небесам...

Шаткая вера – основа,
чтобы замалчивать спор?
Ближе метанье Петрово,
чем роковой перебор.

Не избежать апокрифа
в будущий перерасчет,
от Симеона до Кифы
целая жизнь протечет,

через кровавые стяги
вломаются толпы всерьез!..
Он не доверил бумаге
слез... человеческих слез.

Непроходными стихами,
хоть и нарваться на срок,
этот и тот, словно камень,
не по струе – поперек,

очередная где драма
сгинет почти без следа.
Тропка к искомому храму
глохнет в церковных садах,

май хоть... Тюремной парашей
сказочка сходит на нет,
на бездуховности нашей
и христианство на свет?

Что же тогда на сегодня,
в сытую вроде бы хрень —
все-таки Лето Господне,
новым крещеньем сирень

хлынет! —
А почва готова
снова свершить переход
в ночь, где в смятенье Петрово
трижды петух пропоет?

Где мандельштамовский клекот
рвется сквозь век-волкодав?

Так не хватает полетов
с осиротевших застав...

Если с весной мы моложе,
глубже б вести борозду...
Господи, грешен я тоже —
что же вослед не иду?

Когда бы...

Когда бы жизнь делилась пополам
на «до» и «после» с той библейской песни,
где не Ему воскреснуть – это нам
был выбор дан, и что же... мы воскресли?...

Когда бы точно знать, что за чертой
отъединенья с телом дух хлопочет
и дальше, что с оставшеюся той
и грешною, и трепетной, и прочей

мы продолжаем опыт, то куда
остуженные помыслы потянут? —
Опять путей Господних череда
раскрашенная бьется по экранам,

как бабочка в каленое стекло,
преображая в тлен свободу воли...
Куда бы нас в той яви занесло,
где дух еще не весь на землю пролит —

лишь малая частица, и она,
стесненная, едва коснулась глыбы

каменной-страстей, где плавилась вина,

что на себя Он брал – а мы смогли бы?

Природа неизменна – что же нам
тащиться за своей духовной ленью,
скользя по убывающим волнам
как в прорву уходящих поколений —

куда?... Когда бы знать... Так наугад
и лучшие едва проходят мели
отчаянья, расплаты из расплат
за жизнь. Он перешел – а мы сумели?

На виду Углича

Вся история в общем-то – рубль чей
смог бы ножичком к трону скакнуть...
Если б Дмитрий не пал, не в Угличе,
как сложился б российский путь?

Вряд ли будни пошли по-новому —
все бы сыпалось по мордам:
что не пляшется с Годуновыми,
то с Романовыми передам, —

летописец сыграл бы походя,
кабы смел в этой не святой...
В современном машинном грохоте
что-то есть от легенды той.

Принимая, бунтуя, мучаясь,
будто рядом, за дверью, смерть,
нам ведь тоже бежать до случая,
что венчает всю круговерть.

От озвученной царской милости
хорониться б по деревням,

что сапог, что лаптей сносилося —

путь окольный всегда был прям

да и прав, коль не по количеству
побрякушек судить живых.

Чем подальше от их величества,
тем раскованней русский стих.

Что тогда полыхало зарево,
рванный колокол кровью стыл —
в новом облике государевом
вряд ли голову кто сносил.

Остаться б тому в Михайловском,
да в Тарханах другому плыть...
Не пробиться и мне в Измайлове,
как и Дмитрию не княжить...

Очевидность ли неминуемая,
наказанье ли за грехи —
всем воздастся по воле случая,
хоть останутся церкви-стихи.

Что там дальше – увы, не в курсе я
в сонме выдуманных побед
снова сверху. Идет экскурсия
в расстоянье с полтыщи лет.

Сосна у Мандроги

1

С чего все началось? В плену начал
весенний ветер здесь на подкачал:
потребовался миг или века,
когда порыв принес издалика,
а, может быть, с соседнего хребта
песчинку – семечко... Жизнь до того проста:
едва лишь почвой влажною прикрыл —
и крохотный росток, почти без сил
уж тянет к свету трепетную длань,
и первый дождь ему как Иордань
крещенская. Расти, малыш, цветы
на том же озабоченном пути,
где ручейком рождается река,
где вздохом обретается строка
(по высшему стечению?), а потом
сам наполняй значением этот дом,
где был рожден когда-то, где возрос
до первых хрупких веточек, до слез,
вмещающая глубь небес, земную ширь
сквозь гул лесной, рокошущую Свирь,
где силою придется отстоять
под солнцем место, как когда-то мать
рванулась всею статью встреч любви

на вечный зов... И ты, малыш, живи...

2

Понесся круг (под чей-то произвол?),
все выше, выше продирался ствол
поближе к свету – вечная война,
иначе не натянется струна
всей рощи мачтовой, о ком пою,
о той сосне, что встала на краю
всех выше, всех раскидистее, всех
обреченней, вроде, на успех,
солисткой затянувшую Псалтирь,
где радужным оркестром вторит Свирь...

3

Но первым кто в бою, тому уйти
и первым же... Отечество, прости,
прости, неутомимая река,
что в беге подмывала берега,
что в ритме нескончаемых побед
несешься (к храму?...), уж опоры нет
почти корням, и телу тяжелей
не то что ввысь – в границы ближних дней,
где спит неповоротливая Русь,
где в этот сон срываюсь... И сорвусь!

4

(Чей промысел: кто пал, кто на плаву?)
Мы потянулись, зрители, в Москву,
Мандроги скрылись... Что теперь в лесу,
в том Дантовом, где сам я навису?

У Валаама

1

Раздумья застыли у края,
где правду баюкает ложь:
не важно, где потеряешь,
куда важней, где найдешь...

Когда бытие ускользает,
взамен обещаю опять
путевку к бездельному раю,
как тысячи лет исполать,

не сдвинуть пространства ни речью,
ни музыкой колоколов:
чужие ль, свои – скоротечны
попытки и скуден улов.

Так билось в инерции постной
безбожно мое ремесло,
и только карельские сосны
смущали – куда нас несло?

Какими долгами – крестами
оплатим за всю красоту
земную? Куда же пристанем

в итоге? Куда прорасту,

где домыслы правды горбатой
сползали, беря на испуг —
и есть ли какое куда-то
в бессмыслице чьих-то потуг?..

2

Когда-то давно разоренным
я островом был восхищен,
приладожской сказкой зеленой
под мирный Вааловый звон.

В язычестве гнусном совковом
сгорал богадельнею храм,
заменой сакрального слова
лишайник сползал по крестам.

Но в памяти ярче разора
и нищих калек от войны
остались резные озера
и змеи корней от сосны

у пристани самой. Обегав
все тропки за тройку часов,
нашел отражение неба
в зените иных куполов —

в прибрежных серебряных водах,
колеблемых хором вершин,
с молитвой крестила природа,
где, мыслилось, строй недвижим,

но вера искомая рядом,
прими лишь... Да я не спешил
шагать с устаревшим отрядом,
хватало для поисков сил.

Казалось, по юности просто —
иди! и нащупаешь путь!..
Задвинулся сказочный остров
за память... Ужель не вернуть?

3

Лет 40 сползло... Валаамом
бреду, и уж экскурсовод,
как девушка чистый: «Ко храму, —
нам тихо, – дорога ведет.»

Та снова текла разнотравьем,
шаманством стволов по камням —
природа, ничуть не лукавя,
дарила надежду и нам...

А что монастырь? Суетою
и ладаном пахнет декор,

совсем не прозрачностью тою,
как юноша вел разговор.

Я мягко: «Когда б не знакомо,
что в этих гниет тайниках». —
«Вы судите по-земному». —
«Небесное тоже не ах,

к тому же куда нам до горних,
сколь этих порушено стен». —
«Цепляются все-таки корни
за почву“. — „И это взамен

того вдохновенного света,
что вспыхнул хотя бы на миг?» —
«Но здесь отраженья!» — «Про это
бубнит ваш дежурный старик.

Не Бог вечно юн и прекрасен —
природа не знает границ
у скальных, озерных ли прясел,
где сами склоняемся ниц

иль попросту – руки на плечи,
всем вместе войти в хоровод
языческий!“ – „Странные речи,
а где же бессмертье?“ – „Вот, вот!

Ну, как же расстаться со брэнной?

Да так, как стволы и трава
уходят, им молодь на смену,
была бы цепочка жива». —

«Но в ядерный век неприютный
теория ваша...» — «Увы...» —
«Так что же?» — «Церковные плутни
честней? Не сносить головы

нам всем». — «Не рубите попешно.» —
«Что делать — уж нечем дышать». —
«Бег времени, знаете, внешен». —
«А внутренне что же?» — «Душа». —

«Когда отражается в слове

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.